

Алла ДЕМЧЕНКО

ПРИНИМАЯ БОЛЬ,
ОСВОБОДИ
ЧУЖУЮ ДУШУ

Чужие души

Остросюжетный семейный роман

Алла Демченко

Чужие души

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демченко А. А.

Чужие души / А. А. Демченко — «Эксмо»,
2019 — (Остросюжетный семейный роман)

В частном медицинском центре, который принадлежит отцу Саши, незаметно один за другим угасают одинокие пожилые люди, поступившие на реабилитацию в рамках благотворительной акции «Рука помощи». Случайны ли эти смерти? Или за этим страшным бизнесом кто-то стоит: новые акционеры, жена отца или... он сам? Одни вопросы и никаких зацепок. Если, конечно, не считать видений, которые преследуют Сашу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Демченко А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Москва	7
Киев	12
Москва	20
Киев	22
Москва	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алла Демченко

Чужие души

© Демченко А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

Мужчина постучал по льду, прислушиваясь, где тоньше, и ударил ломом. Подмерзлая земля легко раскололась. Минут через десять среди опавшей листвы образовался стандартный прямоугольник.

– Ну, так и будешь стоять? – Мужчина постарше распрямил затекшую спину и посмотрел на приятеля.

Тот нехотя сплюнул на ладони и взялся за лопату.

– За час справимся, как думаешь?

– Справимся, а то, – мужчина посмотрел на стоящий возле гроба пакет и глубже вогнал в землю лопату.

Спустя час яма была готова. Осталось малость подправить края и можно опускать гроб.

– Может, по чуть-чуть для согрева?

– Прошлый раз уже согрелись. Или забыл?

– Не забыл, – буркнул молодой.

В прошлый раз оборвалась веревка. Гроб ударился о дно, наспех заколоченная крышка немного съехала в сторону, и они разругались. А потом рассудили – никто ж не видит промаха. Так и засыпали гроб землей.

– Это какая у нас по счету могила?

– С тобой – третья и до тебя, кажись, пять. Всего восемь. За полтора года.

– Что-то много трупов для больницы.

– Никакая это не больница. Как-то по-другому называется. Не вспомню.

– Да без разницы. Все равно – часто мрут. И смотри, все как один ничейные. Кроме нас и помянуть-то некому.

На сельском кладбище вырос новый холм с деревянным крестом. Копачи, не чокаясь, выпили. Затем подошли поближе к могиле, прочитали имя усопшей и еще раз выпили за упокой души...

Москва

Мартовская непогода разыгралась под самое утро. Зима, словно опомнившись, в последний момент решила взять реванш.

– Ты чего не ешь? – Стрельников поставил чашку с кофе и сел напротив Саши. – Чего такая кислая с утра?

– Я не кислая, – ей вдруг стало совсем неудобно перед мужем. – Паша, мне несколько дней снится один и тот же сон, а я все никак не могу его до конца понять.

– И что за сон такой? – Стрельников отпил не спеша кофе и приготовился слушать.

– Какая-то женщина постоянно что-то ищет в дедовых бумагах. Я так отчетливо это вижу. Потом протягивает мне конверт и просит помочь. Я каждый раз собираюсь у нее спросить, чем помочь, и не успеваю. Что-то обязательно мне мешает. Вот такой сон.

– Возможно, в больнице кто-то из пациентов нуждается в твоей помощи?

Уверенности Стрельникова Саша не разделяла. В отделении все было спокойно, каких-то особых больных у нее не было. А будь такие больные, она уж точно знала бы, что делать.

– В том-то и дело, что сон не касается моей работы.

Необычными способностями Саша обладала с детства. Это потом уже умение ощущать время во всех его формах определилось в такое понятие, как дар. А тогда ей казалось, что видеть недалекое будущее могут все. Стоит только захотеть. Она внимательно смотрела поверх головы учительницы и спокойно читала вопрос, который прозвучит в классе. И как была удивлена, когда дед сказал, что такое умение дается не всем. С разговора на старой даче она четко запомнила одно – своим необычным умением никогда не надо хвастаться. Одни не поймут и станут смеяться, а другие, наоборот, все поймут и будут ее использовать в своих целях. И то и другое – плохо.

А потом дар сам пропал. Дед очень обрадовался. Откуда ей тогда было знать, что дар – это не только умение считать вопросы учителей, а большая ответственность, которую нельзя было переложить на чужие плечи, ибо дар – ее личный тяжелый крест, который суждено нести до конца своей жизни.

То ли биохимия ее нервных клеток изменилась, и она стала сверхчувствительной к чужому неумолимому горю, то ли никому не известные электромагнитные волны ударили по древним подкорковым центрам, и они от этого активировались и стали откликаться на чужую беду. Только радости от своих способностей во взрослой жизни она ни разу не испытала.

Дар вернулся вместе с болью. Болеть начинала душа и болела так упорно, что все краски жизни тускнели. Справиться с ней можно было, только объединив прошлое с настоящим или настоящее и будущее. И хорошо, если бы это все касалась только ее личной жизни, но обычно это касалось чужих людей и чужих судеб. Во сне к ней обращались души тех, кто покинул этот бренный мир, оставив на земле неоконченными свои дела. Она и была, по воле судьбы, тем объединяющим началом времени: прошедшего, настоящего и будущего. Поэтому сон, который снился ей с завидной регулярностью, требовал действия. Только, что делать, она не знала и оттого сегодня утром и сидела, по определению Стрельникова, кислая.

– Давай как-нибудь на выходных съездим на квартиру. Может, ты скучаешь по ней? Вот тебе и сон, – Стрельников прижал ее руку к своей щеке.

Он всегда был сторонником самых прямых путей в решениях любых проблем.

– Может, ты и прав. Я сегодня после работы заеду.

Она обрадовалась такому простому решению. Чего проще – съездить и убедиться, что никакого письма нет и никакой просьбы женщины тоже нет. И приснился ей обычный, ничего не значащий сон, как приснился в эту ночь миллионам людей на планете.

– Павел, когда ты последний раз отправлял письма по почте? – уже сидя в машине, спросила Саша.

– Не помню. Обычно письма отправляет Виолетта.

– Я не о работе.

– Давно. Не помню.

Стрельников выехал на оживленный проспект и замолчал, сосредоточившись на дороге.

– Вот и я не помню. Думаю, никто уже не пишет друг другу писем. Представь, сначала надо написать, потом купить конверт, подписать, затем отнести письмо на почту или опустить в почтовый ящик возле дома. Получается целый алгоритм действий.

– Я не понял, ты получила письмо или хочешь отправить? – Стрельников остановил машину возле больницы проходной. – Мне вечером заехать за тобой?

– Нет. Я сама съезжу на квартиру и сразу домой.

– Боишься, что я узнаю о твоей тайной переписке? – Стрельников улыбнулся, взгляд в золотой оправе остановился на ее глазах, и он нежно поцеловал жену на прощание.

Никакой тайны в старых дедовых бумагах не было и не могло быть. Тревога, прочно поселившаяся в душе, не отпускала Сашу целый день до того момента, пока она не переступила порог своей квартиры. Может, прав Стрельников – она соскучилась по родным стенам. Неторопливо обойдя квартиру, она зажгла свет в комнатах и направилась в кабинет. Она даже осмотрелась так, как это делала женщина в ее сне.

Потом открыла шкафчик дедова рабочего стола. Все бумаги лежали на привычном месте. Сверху на толстой синей папке – стопка квитанций за свет, рядом с ней – за газ. Недолго думая, Саша вытряхнула все содержимое тумбы на пол. Под синей папкой лежало письмо. Именно этот конверт нового образца и вывалился из почтового ящика, когда она забирала газеты. Было это полгода назад – накануне свадьбы.

Она тогда подняла конверт и с интересом повертела в руках, еще раз пробежав глазами по адресу, вдруг почтальон что-то напутал. Но письмо предназначалось действительно ей, Александре Андреевой. Она тогда пыталась угадать, кто же мог ей написать. Все службы обычно ставят штамп, а здесь даже обратного адреса не было. Мать никогда не писала ей никаких писем – звонила. Подруги тоже обходились звонками. Она достала перочинный нож и готова была открыть конверт, как в дверь позвонил Стрельников. Он приехал раньше времени, да еще не один, а с родителями, и ей стало совсем не до письма. Она и не помнила, сама убрала письмо в тумбу или это сделал Стрельников, но о письме она с тех пор не вспоминала.

Саша аккуратно оторвала край конверта и достала письмо.

«Здравствуй, Саша! Пишет тебе твой отец. Прошу тебя: дочитай письмо до конца. Последний раз мы виделись, когда тебе было пять лет. Я был проездом в Москве и заезжал к тебе».

Саша медленно прочитала несколько раз письмо, пока окончательно не поняла, что ее отец, пусть даже биологический, живущий в другой стране, может умереть. Станным было и другое – слово «отец» непривычно каталось на языке. Саша прикрыла глаза, пытаясь представить образ этого «отца». Она не помнила ни его лица, ни голоса. Она никогда его не узнает не только в толпе, но даже встретившись лицом к лицу.

Все эти сомнения она и высказала за ужином Стрельникову и умоляюще смотрела на мужа в надежде, что тот начнет отговаривать ее от поездки в Киев. Ей так хотелось, чтобы он наконец-то оторвался от тарелки с греческим салатом и твердо сказал, что все это глупость. Еще неизвестно, кто написал письмо и почему на все звонки оператор упорно отвечает «номер временно не обслуживается». Конечно, он еще мог бы сказать, что ему будет плохо без нее, что он будет скучать по ней, что не хочет расставаться или что-то другое, но в том же духе.

– Я поеду с тобой, – безапелляционно заявил Стрельников. – Как только заведующий подпишет тебе отпуск за свой счет, сразу и поедем. А может, вообще давай поедем на выход-

ные. А в понедельник утром вернемся. Тогда и отпуска не надо брать. А можно вообще самолетом.

– Ты и самолет? Нет, мне не нужны такие жертвы.

Саша улыбнулась впервые за весь вечер, вспомнив, как они летели после свадьбы в гости к родителям в Севастополь. Стрельников побледнел еще до того, как подали трап. В самолете сидел напряженно и только пил воду. Она старалась с ним говорить на отвлеченные темы и, только когда Стрельников начал невпопад отвечать на вопросы, сунула ему в руки прихваченную в дорогу книгу.

– Паш, ты только не сердись, но я должна поехать одна. Понимаешь...

– Хорошо, – легко согласился Стрельников, – езжай одна. Но, если ты в понедельник не вернешься, – я сам за тобой приеду, и тогда ты узнаешь, что такое домострой и на себе ощутишь мою патриархальную суровость, – засмеялся Стрельников.

– Конечно, вернусь. Что мне там дольше делать? Позвоню, встречу с отцом и сразу обратно. Я в дедовых записях нашла номер городского телефона отца. Так что в любом случае свяжусь с ним, даже если он мне не ответит на мобильный.

Она не только нашла телефон и адрес Ивана Савицкого, но еще успела залезть в Интернет и заказать билет до Киева. Кроме того, она нашла информацию о гостиницах в районе железнодорожного вокзала. Их было с десяток. Она с интересом просмотрела фотографии предлагаемых номеров, по привычке сравнила цены, и когда окончательный выбор пал на мини-отель «Богданов Яр», забронировала себе одноместный стандарт. И уже под конец, немного волнуясь, нашла на карте города Владимирскую улицу и дом, в котором жил или живет ее отец.

К концу вечера Саша почувствовала, как навалившаяся с утра тревога и усталость отступили. Ночь она спала без сновидений.

Роман Лагунов к больнице подъехал к концу рабочего дня. И чтобы не пропустить Татьяну, зашел внутрь больничного двора и стал медленно прохаживаться вдоль терапевтического корпуса, то и дело посматривая на окно палаты, в которой сам пробыл почти месяц.

Он был решительно против любой больницы. Никакое лекарство ему не могло помочь – никто в мире не знал, какими средствами можно вылечить вину. И на лечение в этой обычной, как говорила мать, «не статусной» городской больнице он согласился только из уважения к отцу.

Кто-то посоветовал Андрею Степановичу обратиться к Андреевой и, невзирая на колкие замечания жены по поводу обычной городской больницы, он стал уговаривать сына использовать последний шанс. «Ну, как здесь откажешь, если это – последний шанс, – посмеялся в душе Роман».

Насколько он сам был виноват в том ДТП, когда под колесами его машины погибла женщина? Этот вопрос Лагунов задавал себе тысячу раз, и каждый раз степень его вины напрямую зависела от того, чьи интересы он отстаивал, как адвокат. А когда все аргументы исчерпались и он устал себя защищать, тогда и понял, что смерть может быть лучше жизни.

И не случись в его жизни Александры Андреевой, он бы давно умер. Но, видать, не зря ее посоветовали отцу. Андреева оказалась единственным врачом, кто не стал его обнадеживать и призывать бороться за жизнь. Она назвала его безответственным трусом и вышла из палаты. Трусом, да еще безответственным, умирать было стыдно.

Он был хорошим адвокатом, старался быть хорошим сыном, умел находить компромиссы, умел договариваться и убеждать, умел вести дела так, чтобы потом не презирать себя.

Андреева была права лишь отчасти. Надо было вызвать «Скорую» и дожидаться приезда полиции, а он трусил и дал уговорить себя уехать. И если бы Андреева назвала его только трусом – он бы смирился и умер.

Но безответственным он никогда не был. И он начал Александре доказывать обратное, словно та была высший суд. А чтобы доказать свою правоту – надо было жить.

А потом появился профессор Степанков. Поначалу тот вообще показался ему чудаковатым. Юрий Николаевич часами размышлял о жизни так, словно ему и поговорить было не с кем, кроме как с пациентом пятой палаты.

И тогда он понял простую истину, не написанную ни в одном руководстве по юриспруденции: принимать себя таким, какой ты есть, понимать и прощать других и брать на себя ответственность за них – это умение, которому надо учиться. Профессионально он делал только последнее – брал ответственность.

Научиться принимать себя таким, какой ты есть, не подстраиваясь под мнения других, на самом деле оказалось довольно сложно. И ответственность за Татьяну Ярославскую он взял на себя в доказательство того, что он на самом деле такой, как есть. И его решение никоим образом не зависит от мнения других.

Все это, вместе взятое, и заставило адвоката Романа Андреевича Лагунова остаться жить на этом свете.

Он отвлекся, занятый своими мыслями, и пропустил бы Татьяну, если бы та первой не окликнула его. Встрече девушка обрадовалась. Он пожал тоненькую холодную руку и немного дольше положенного задержал ее в своей руке. И тут же отпустил, увидев ее смущение.

– Ты свободна или еще в институт?

– На сегодня все. Завтра последний зачет, а через две недели – защита дипломной работы. И учеба окончена.

– Давай тогда поужинаем.

– Я бы с удовольствием, но у меня зачет. Надо подготовиться. Я эту неделю на подмене была. Работы в отделении столько, что некогда было и учебник открыть.

– Таня, я нашел тебе покупателя. Одна крупная строительная компания хочет заниматься параллельно и дизайном квартир. Покупатель – мой давний друг, поэтому при продаже никаких рисков. Ты с ответом не спеши, подумай, все взвесь.

– Да что здесь думать, – вздохнула Татьяна. – У меня нет другого выхода. Вы же сами знаете, какие долги в компании. Спасибо вам, Роман Андреевич.

– Таня, давай договоримся, что ты не будешь меня так часто благодарить. Это еще неизвестно, кто кого должен благодарить, – сам себе сказал Лагунов.

Лагунов помог Татьяне сесть в машину и последних слов она не услышала.

– Таня, я понимаю, что ты хотела бы сохранить компанию, но, поверь, пока это лучший выход. Денег хватит, чтобы погасить все долги и еще немного останется.

Он хотел добавить «если не потратишь», но вовремя спохватился и замолчал. Не станет она тратить деньги зря. В людях Лагунов разбирался профессионально.

– Вы правы. Сейчас – главное рассчитаться с долгами.

– Окончишь институт, устроишься на работу, наберешься опыта и откроешь собственное дизайнерское бюро. Ты умная, трудолюбивая девочка, у тебя все получится, – уверенно сказал Лагунов.

– Эта компания – единственная память об отце, – вздохнула Татьяна.

– Согласен. Только память – это воспоминание о прошлом, а жить тебе надо сегодня.

В Лагунове заговорил адвокат. Говорил он разумно, назидательно и от этой невозмутимой правильности Татьяне хотелось плакать.

– Я, собственно, и заехал, чтобы об этом поговорить с тобой, – Лагунов расставил все точки над «и». – Как окончательно решишь, сразу позвони мне.

Остальную дорогу они молчали, каждый думал о своем.

«Хорошо, что нашелся покупатель. Будь у меня деньги, я бы никогда не продала компанию. Отец, если ты только слышишь, прости меня. Ты ведь тоже с чего-то начинал. И у меня

обязательно получится, вот только с долгами рассчитаюсь. Если б Нелли не вывела все активы, может, все было бы по-другому. Прав Роман, надо думать о сегодняшнем дне», – Татьяна незаметно вытерла набежавшие слезы.

– То, что нас не убивает, – делает нас сильнее, – грустно сказала Татьяна.

– Нищие прав, но я тебе желаю поменьше личного горького опыта, – пожелал Лагунов.

– Роман Андреевич, – спохватилась Татьяна, – бабушка приглашает вас в гости на выходных. Я думаю, она сама хочет поблагодарить вас за помощь. Вы столько сделали для нас.

– Обязательно зайду. Я люблю ходить в гости, – Лагунов улыбнулся девушке. – Бабушке спасибо за приглашение. Только в ближайшее время – никак. Сама понимаешь, работа руководит нами.

Приглашения он испугался. Как он будет смотреть в глаза пожилой женщине? Умом он понимал, что нельзя постоянно, как чемодан, таскать за собой чувство вины. «Если жизнь вообще имеет смысл, то имеет смысл и страдание. Это надо принять как должное и перестать себя жалеть и жить дальше», – Лагунов вспомнил наставление профессора психологии. Все это верно. Но, стоило ему увидеть Татьяну, и чувство вины бесконтрольно просыпалось в нем и мешало жить дальше.

– Конечно, работа есть работа, – голос Татьяны на секунду дрогнул.

Отказ Лагунова она расценила по-своему. Кто такой Лагунов, она знала и к кому в гости ходит, – догадывалась.

Свою помощь Лагунов ей предложил сразу, как только пошел на поправку. Всерьез она, конечно, его предложение не восприняла и даже усомнилась, что он вообще может быть адвокатом. Роман показался ей тогда слишком добрым и открытым, совсем не похожим на тех адвокатов, с которыми ей приходилось сталкиваться раньше. Чтобы окончательно убедиться в своей правоте, она не поленилась и зашла в Интернет. И потом удивилась, как по-разному может выглядеть один и тот же человек. Только Лагунов из пятой палаты ей нравился несравненно больше, чем лощено-рекламный адвокат с нагловатым и уверенным взглядом на сайте.

Отзывы о нем были тоже разные. Одни писали, что, имея такого влиятельного отца и такой семейный капитал, легко быть успешным, кто-то, наоборот, говорил, что если человек профессионал, то успехи родителей здесь ни при чем. Дальше шли уже откровенные сплетни, их Татьяна читать не стала. Из всего прочитанного она сделала вывод: Лагунов – отличный адвокат. А остальное – неважно. И только узнав, сколько стоят услуги адвоката такого уровня, Татьяна закрыла ноутбук.

Но Лагунов, смеясь, сказал, что работа ему прописана Андреевой, как метод трудотерапии, и если Татьяна откажется от его помощи, то все старания Александры Ивановны пойдут насмарку. Она легко согласилась, считая данное обещание помощью понарошку. Чего не наобещает идущий на поправку пациент. Но Лагунов к ее проблеме с наследством отнесся со всей серьезностью. Пришлось принести все бумаги, ранее собранные для предыдущих адвокатов. Потом она обжаловала наследство, и Лагунов успешно выиграл суд. Правда, любовница отца постаралась за несколько лет пустить все по ветру, и от наследства осталась только архитектурно-дизайнерская компания, да и та с непогашенными долгами.

Но все это не было бы такой катастрофой, если бы она не влюбилась в Лагунова.

– Ну, тогда до встречи. В гости я обязательно зайду, так и передай бабушке. И если что – звони мне в любое время.

Он проводил Татьяну до подъезда, подождал, пока за ней закроется дверь, и направился обратно к машине.

Киев

Мартовская непогода, шумевшая за окном, вывела главврача из задумчивости. Елена Евгеньевна, слушавшая вполуха доклад медсестры, обвела тяжелым взглядом притихшую утреннюю смену. Не заметив ничего крамольного на лицах персонала, она снова погрузилась в свои мысли.

Остро отточенный карандаш выводил в еженедельнике асимметричные причудливые лепестки неизвестных цветов. Со стороны могло показаться, что, рисуя фантастические цветы, она даже не услышала о смерти Кузиной. Не отрываясь от рисунка, Елена Евгеньевна побарабанила пальцами по столу, призывая к порядку.

О смерти пациентки она узнала среди ночи. Невзирая на позднее время, дежурная, как и положено в таких случаях, звонила ей сразу, не дожидаясь утра.

Ничего удивительного или необычного в смерти Кузиной не было. Смерть как смерть. Можно сказать, от старости. Как ни крути, без малого восемьдесят лет. Всем бы еще столько прожить.

И если бы не статья в газете, беспокоиться было бы не о чем. Всю стопку газет она забрала со стола дежурной и теперь они лежали в шкафу. Только толку с этого никакого. Газету читали все, а если кто и не читал, то все равно был в курсе. Выйдут из кабинета и начнут судачить.

Елена Евгеньевна еще раз внимательно посмотрела на собравшуюся смену. Как все не вовремя: и газета, и Кузина. Все одно к одному.

«Надо еще раз просмотреть историю болезни, – Елена Евгеньевна сделала пометку на полях, – и срочно внести поправки. Анализы можно оставить. Электрокардиограмму – заменить. С такой работой сердца Кузину хоть в космос отправляй, а она взяла и умерла. Запись кардиолога об ухудшении состояния пациентки – тоже не помешает».

– Елена Евгеньевна, тело опустим в подвал, пока Сергей Николаевич подготовит выписку. Палату обрабатываем.

– Лариса, этапы своей работы можете не озвучивать. Если вопросов нет, я больше никого не задерживаю.

Вопросов не было. Кабинет ожил. Первыми направились к выходу, как всегда, санитарки. Работы с утра полно. Это после обеда, когда наступит «тихий час», они сядут в столовой, чтобы обсудить все, что подлежит обсуждению. Сегодня будут говорить о Кузиной. А вечером, невзирая на строжайшие запреты главврача, выпьют за упокой души усопшей. Может, и правильно. Ведь, кроме них, ее и помянуть-то больше некому.

Толкаясь у двери, кабинет покинули присмирившие медсестры с первого этажа. Смерть, хоть на каком этаже, веселья не добавляет.

Задержалась только Лариса. И теперь она стояла у двери, ожидая, когда Сергей Николаевич оторвется от газеты и пойдет на обход и она сможет получить лекарство для своих подопечных.

– Елена Евгеньевна, я зайду позже, – Лариса кивнула в сторону сидящего Крапивина.

– Хорошо. Я освобожусь и сама тебе позвоню.

Давать лекарство в присутствии Крапивина Елена Евгеньевна не стала. Никаких секретов от него давно не было, но без посторонних ей было все же спокойнее.

«Темпы такой работы надо срочно снижать, – Елена Евгеньевна сосредоточилась на цветах, – и на время отменить все назначения. Смерти идут чередой, как по графику. Придется как-то убедить Задонского. А если тот и слышать ничего не захочет? Какое ему дело до ее проблем? Ох, как не вовремя эта статья в газете. При случае надо поговорить о повышении зарплаты».

Еще одна галочка замерла на полях еженедельника. Конечно, на саму зарплату грех было жаловаться. Когда Антон предложил ей работу и озвучил оклад, ни в какое сравнение не шедший с ее нищенской пенсией, сумма Елене Евгеньевне тогда показалась заоблачной.

О риске она догадалась сразу. Никакой главврач, будь он хоть семи пядей во лбу, таких денег не стоил. Задонский платил исключительно за риск. И кому теперь жаловаться? Елена Евгеньевна на минуту прикинула в уме, сколько она заработала за это время денег Антону Игоревичу. Количество нулей было внушительным. А что стоит за этими деньгами...

Елена Евгеньевна зябко повела плечами и закрыла еженедельник с черно-белым букетом цветов.

Если бы проект «Решение внутренних проблем посредством искусства» немного доработать: внести яркие сочные краски плюс денежное вливание в раскрутку, то с Елены Евгеньевны Куриленко получился бы модный арт-терапевт, так же быстро, как она стала главврачом частного реабилитационного центра. А потом крутить рекламный ролик с интервью исцеленных, да по всем каналам, до зубного скрежета, – можно заработать немалые деньги. Только мысли главврача в это утро были далеки от любого искусства.

– Газету видела? – Сергей Николаевич подписал рецепт и внимательно посмотрел на Елену Евгеньевну.

– Газету? Что опять не так?

Удивление получилось слишком наигранным. Статью Елена успела прочитать.

– Все не так. И это, как ты говоришь, «не так» лезет наружу, – Крапивин дотянулся до стола и положил прочитанную во время пятиминутки газету. – Я только одного не пойму: ты действительно ничего не боишься?

– Что значит – не боюсь? А чего мне бояться? Документация в полном порядке. В отделении – порядок. Никто не жалуется. Чего, собственно, я должна бояться? Если ты имеешь в виду Кузину, то для начала посмотри на дату ее рождения. Эликсира молодости у нас нет, – Елена невольно процитировала удачное выражение Савицкой. – Продлить жизнь мы не можем.

Последняя фраза из уст главврача реабилитационного центра прозвучала цинично.

– Это точно. Об этом, кстати, и пишут в газете.

– Как состояние Дроздовской? – говорить о статье Елена Евгеньевна упорно не хотела.

Знал бы кто, как не вовремя эта статья! Газеты Людмила привезла вчера вечером и положила в холле на столе. *И теперь неважно, сколько их взял персонал, главное – все уже в курсе.*

Но здесь она сама виновата. Надо было сразу журналиста, будь он не ладен, вести к себе в кабинет, а не красоваться с ним в коридоре. Что говорить и как говорить, а главное – о чем молчать, она знала, как никто другой. И не появился тогда Людмила в центре, все так бы и было.

Людмилу Савицкую, жену владельца реабилитационного центра и работодателя, Елена Евгеньевна в глубине души презирала, считая безмозглой курицей, удачно заполучившей богатого мужа. Но только в душе. Для всех они были уж если не закадычные подруги, то приятельницы точно.

Изредка Елена жалела Савицкую. Скоро сороковник стукнет, а что та видела в своей золотой клетке? Ни детей, ни работы, ни увлечений, ни семьи. Семья, конечно, официально у Людмилы была, но без общих интересов и любви. Ну, какие общие интересы могут быть со стареющим Иваном? Уж она заметила бы. Разница в двадцать лет – не шутка. Любовника и того толком завести не смогла. Разве Антона Задонского можно назвать любовником? Нет. Одни цифры в голове. Да и разница в возрасте не в пользу Людмилы. Получалось, что, кроме денег, у Людмилы Савицкой ничего и не было. Жаль, что от количества денег, мерила ценностей и собственной значимости, не зависит чисто женское счастье.

Только не будь у Людмилы этого центра, Задонский нашел бы себе другую женщину, и неважно какую, тому главное не женщина, а центр. Истинную цель его отношений Куриленко

знала, как никто другой. А Людмила? Не будь этого центра, в ее сторону он даже не посмотрел бы, как не смотрит в сторону персонала. А что такое персонал? Те же люди, только без денег.

Порой Савицкая ее раздражала своей неприспособленностью к жизни и слащавой правильностью. Только откуда взяться этой правильности? Одна видимость. Уж она-то в курсе всей ее «правильности». Разве это скроешь.

Елена Евгеньевна перевела взгляд с газеты, которую положил Крапивин, на свои руки. Мелкая бриллиантовая россыпь, окружавшая небольшой бриллиант, блеснула на свету. Удачно потраченные премиальные немного успокоили главврача.

– Как состояние Дроздовской? – напомнила свой вопрос Елена.

– Смотря что ты имеешь в виду? – Сергей Николаевич задумался. – Если не считать, что она постоянно видит смерть в коридоре, то нормально. Дроздовской нужна психиатрическая помощь. Или родственники этого не понимают? Сиганет у нас со второго этажа и попрощаться не успеем. – Сергей Николаевич суеверно постучал о край деревянного стола. – И что тогда? Я бы на твоём месте договорился о ее переводе в психбольницу.

– Сергей, ты не на моем месте, – быстро прервала подчиненного Елена Евгеньевна.

Умник сыскался. Дроздовская была ее личной головной болью. Как она дала себя уговорить невестке Дроздовской? Надо было сразу выпроводить ту из кабинета, но интеллигентная Юлиана Дроздовская не только рассказала все ужасы проживания с полоумной свекровью, но и, смущаясь содеянного, протянула увесистый конверт. Оплата значительно превышала цену преёскуранта. Пришлось согласиться. Теперь нечего сетовать. Осталось ждать два месяца и молиться, чтобы Дроздовская, не дай бог, не сиганула с балкона.

– Елена Евгеньевна, я, хотя и не на твоём месте, – Сергей Николаевич вернул словесный пас обратно, – но поостерегся бы. Я говорю не о Дроздовской. Хотя балконную дверь надо в ее палате наглухо закрыть. Нечего ей сидеть на балконе. Пусть лучше на улице гуляет.

– Вот и займись Дроздовской. А вообще, Сергей, знаешь чего тебе не хватает?

Елена Евгеньевна легкой походкой подошла к сидящему Сергею Николаевичу настолько близко, что он уловил терпкий запах ее духов. Рука, опущенная на его плечо, плавно переместилась на спину, ближе к лопаткам. От этого внезапного прикосновения у Крапивина даже дух перехватило. И он только вопросительно кивнул, мол, чего же все-таки не хватает?

– Отдыха. Замотался ты здесь один за всех. Бери отпуск на неделю. Съезди к сыну, внука повидай. В конце концов, съезди на дачу, сходи на рыбалку. Просто – отдохни.

Будь ее воля – она бы весь персонал отправила бы в отпуск. Ведь статью будут обсуждать, и найдутся умники: начнут перебирать, считать, сколько умерло стариков в центре. Ни к чему такие разговоры. Как же не вовремя и статья, и смерть Кузиной. Даже Сергей, которого, кроме бутылки, особо ничего не волнует, и тот туда же. «Все у нас не так». А деньги, спрашивается, на выпивку за что получаешь?

– Елена, за отпуск, конечно, спасибо. А как с ночными дежурствами? Кто в отделении останется?

– Не волнуйся. Неделю продержимся. Договорюсь с районным терапевтом. Подежурит. Справимся.

Елена снова, блеснув бриллиантовой россыпью кольца, доверительно похлопала его по плечу. Сергею Николаевичу даже неудобно стало за разговор. Далась ему эта статья. Пусть пишут что хотят. У каждого свой хлеб. О своем хлебе он старался не думать.

– И вот еще... – замялся Крапивин, – Вероника Ивановна из восьмой палаты в последнее время стала какая-то вялая. – Сергей Николаевич многозначительно посмотрел на Елену. – Ты же мне обещала отменить лечение.

– Уже отменила.

– Но ведь Вероника Ивановна говорила, что Лариса утром ей снова приносила капли.

– Послушай, Сергей, в таком приличном возрасте, как у твоей Вероники Ивановны, померещится и не то. Может, кто-то из медсестер валерьянку приносил. Так что теперь?

Во двор, нарушая привычную тишину, а заодно и разговор, заехали машины. Елена Евгеньевна убрала руку с плеча Крапивина и направилась к окну.

За машинами автоматически закрывались ворота. Задонский приехал не один. В спутнице Антона Игоревича Елена без труда узнала нотариуса и с облегчением вздохнула. Задонский приехал к Веронике Ивановне. Выходит, созрела бабушка для душевного разговора. В такие приезды Задонский обычно долго в центре не задерживался. Забежит еще к Людмиле на полчаса и сразу уедет.

– Давай, Сергей, иди работай. И об отпуске подумай.

Сергей Николаевич, сожалея, что разговор так внезапно прервался, а главное – прервалась видимость близости с Еленой, покинул кабинет. Его ждал обход немногочисленных пациентов.

Вот Вероника Ивановна стала хуже себя чувствовать. А ведь он просил Елену повременить с лечением. А за это время он обязательно что-то придумает. Правда, от отмены препарата сразу лучше не станет. Пока выведется полностью из организма – время должно пройти. А насчет утренних капель надо уточнить у Ларисы. Не могла же Елена его обмануть.

От этих невеселых мыслей Сергей Николаевич Крапивин захотел немедленно выпить. Он робко посмотрел по сторонам, словно кто-то мог прочесть его мысли и доложить Елене.

Чтобы не искушать судьбу, Крапивин направился в палату Старостиной. Он всегда начинал обход с ее палаты. Жалоб и сетований на жизнь у Агнессы Харитоновны никогда не было. Хорошее настроение, казалось, передавалось всем, кто хоть как-то соприкасался с ней. И окончит он утренний обход, как обычно, в палате Вероники Ивановны. Измерит давление, подержит ее сухонькую, жилистую руку в своих руках. И такое ощущение, что прикоснулась к нему рука покойной жены.

Почему именно так должна была бы выглядеть его Женька, доживи до такого почтенного возраста, он и сам не знал. Только каждый раз, подходя к восьмой палате, он вспоминал жену именно в тот момент, когда они пили дешевое вино на съемной квартире. Он должен был получить очередное звание и не получил. Женя смотрела на него сквозь бокал и утешала. Да бог с ним, с тем званием. А что обошли в очередной раз с повышением, так не страшно. И будут еще у них праздники, и все звезды на погонах у него впереди. Да что там звезды – вся жизнь впереди. Они были молоды и счастливы. Женьке удавалось хорошо жить, невзирая ни на что. Рядом с ней он тоже жил хорошо и счастливо. Жаль, что поздно узнал об этом.

После смерти Жени ни погоны, ни деньги, ни Киев, о котором они мечтали, стали ему не нужны.

Сергей Николаевич тихонько постучал в палату номер восемь и приоткрыл дверь. Без стука отставной полковник медицинской службы в женские палаты не входил. Вероника Ивановна улыбнулась, и ему показалось, что с небес улыбнулась его Женька.

Окончив обход, Крапивин допил припрятанный коньяк и вернулся к прерванной компьютерной игре.

Мартовская непогода опустила на Киев, невзирая на то, что тротуары давно высохли, солнце пригревало и на газонах начала пробиваться еле заметная трава.

Иван Андреевич Савицкий в этот день проснулся непростительно поздно. Стрелка часов медленно приближалась к восьми. В последнее время он чувствовал себя неважно. Особенно плохо ему становилось под вечер. Это «плохо» трудно поддавалось описанию: сердце начинало бешено колотиться, а потом, устав от собственного ритма, замирало в груди. Голова превращалась в пустотелую глыбу. Но больше всего Ивана Андреевича пугали мысли, вернее, их полное отсутствие. Временами он слушал собеседника и ничего не понимал из сказанного, словно

тот прилетел с другой планеты и тарабанил на своем инопланетном языке. К счастью, такое состояние длилось всего пару секунд. Эти секунды Иван Андреевич переживал как вечность. А еще память... Совсем никуда не годится.

Иван Андреевич сонно посмотрел на циферблат. Обычно он просыпался не позже шести, и все шло по графику: пробежка по аллее вдоль дома, до парка и обратно. Потом он долго плескался под горячим душем, блаженно подставляя тело под колючие тоненькие струйки, чтобы затем резко включить холодную обжигающую воду. После контрастного душа во всем теле ощущались легкость и бодрость. Чисто выбритый и слегка помолодевший, при полном параде он появлялся в столовой, когда Людмила разливала кофе по чашкам. Он с удовольствием брал чашку в руки и любовался женой.

Иван Андреевич сел на кровать, нащупал босой ногой тапки. Ощувив сухость во рту, допил вчерашний чай, стоявший на прикроватной тумбочке. В голове немного прояснилось. Ни о какой пробежке не было и речи. Иван Андреевич принял только теплый душ и появился на кухне, когда кофе уже остыл.

Перекинувшись с женой дежурными фразами, Иван Андреевич по многолетней привычке открыл «Вечерние новости». Газета была таким же атрибутом, как пробежка, утренний душ и разговор с женой ни о чем.

Правда, с годами «Вечерние новости» заметно сдали активные политические и социальные позиции, становясь похожими на обычное бульварное чтиво, с множеством пустой рекламы и светскими сплетнями. И брал газету в руки Иван Андреевич только потому, что ее каждое утро, до самой смерти, читал отец.

Родители работали стоматологами в Печерском районе и, возвращаясь с работы, забирала у знакомой киоскерши отложенную газету, чтобы утром, за завтраком, быть в курсе всего, чем живет город. Интересные места отец зачитывал вслух.

Звонок микроволновки отвлек его от воспоминаний. Овсяные хлопья, запаренные в молоке с медом, подспели к завтраку.

Иван Андреевич бегло просмотрел первые страницы газеты, где обычно комментировались политические события, дальше на целый разворот освещалась жизнь сильных мира сего: кто, где и с кем. Чужая праздная жизнь его никогда не интересовала, и он автоматически пролистал пару страниц, остановившись на разделе «Экономика». Дальше шли прогнозы цен на свет, газ и тепло. Цены безбожно росли с каждым днем, независимо от газеты.

– Посмотри предпоследнюю страницу. Там интересная статья.

Людмила поставила на стол мисочку с овсяной кашей и постучала длинным, ярким ногтем по газете.

Иван Андреевич начал листать газету, не представляя, какая информация могла заинтересовать Людмилу. Прессу, насколько он помнил, жена не читала.

Видя недоумение мужа, Людмила быстро открыла нужную страницу, на которой красовалось ее черно-белое фото.

Надо отдать должное, Людмила была из той редкой породы женщин, которым с годами удается хорошеть. Открытое лицо, копна волос небрежно подобрана и, кажется, вот-вот рассыплется по плечам, чувственные губы. Эта красавица была его женой и его мужской гордостью. Появись портрет в газете раньше, Иван Андреевич непременно вырезал бы его на память вместе со статьей.

Пробежав первые строки, он утратил всякий интерес, вспомнив причину появления этой статьи.

Со старым знакомым, главным редактором «Вечерних новостей», Савицкий встретился случайно на открытии очередного спа-салона, который Караваев, давний приятель, подарил своей дочери. Он уже собирался, не привлекая внимания, покинуть мероприятие, когда появился Валера Сомов. Слово за слово, перешли на любимую тему редактора – рекламу.

– Да, надоела вся эта реклама, – отмахивался Иван Андреевич от собеседника. – Твоя реклама, согласишься, уже меньше влияет на потребителя. Напористость раздражает. Скоро будем говорить об информационном терроре, – рассмеялся Иван Андреевич, похлопав на прощание Сомова по плечу.

– Это все от того, что вы, потребители, стараетесь в рекламе увидеть подвох, даже там, где его и в помине нет. Вот ты, к примеру, дай рекламу своего медицинского центра в метро, в такси, пусти по городу промоутеров и знаешь, что ты получишь? Правильно – фигу, – сделал заключение Сомов. – Думаешь, спасибо скажут, что ты свои деньги вложил в такое дело? Никогда! Скажут, что на чужом горе сколачиваешь состояние. Вот так-то!

Спорить, а тем более что-то доказывать подвыпившему Сомову Иван Андреевич не стал.

– Но! Ничто не стоит на месте и реклама тоже! – приняв молчание Савицкого за готовность слушать собеседника дальше, Сомов продолжил излагать свой профессиональный подход к рекламе. – Есть вариант рекламы более приятный, действующий исподволь, не агрессивно, как ты говоришь. Это – скрытая реклама! И не давит на обывателя, и результат действенный.

Сомов направился в очередной раз к фуршетному столу, подталкивая Ивана. Савицкий и сам не рад был, что спровоцировал Сомова.

– Слушай, так ты мне все свои коммерческие секреты расскажешь.

– Брось. Сомов секреты не открывает. Скрытую рекламу придумали америкосы. Мы тоже используем. Не так рьяно, скажем, как они, но тоже результативно. Вот, например, – Сомов на минуту задумался, подыскивая пример. – Приезжает в твой центр журналист или, скажем, журналистка и пишет статью о жизни медицинского центра и всякое там «бла-бла». Реклама прямо в лоб. Коммерческий заказ. А если написать о каком-то известном человеке, который достиг чего-то социально значимого в жизни, вносил посильную лепту в развитие... да неважно чего. А потом приключилось несчастье. Скажем, травма. И вот, он столько маялся, пока случайно, или не случайно, узнал о центре, который творит чудеса.

– То есть это уже не реклама? – засмеялся Савицкий.

– Реклама, но с одним «но». Это не рекламная наигранность, а слова реального, известного человека, прошедшего через страдания. Понимаешь, это – другое. Принципиально другой продукт. Психология рекламы!

Да уж, психология! Куда нынче без нее. Это Савицкий и сам знал. Самое простое – большие тележки в супермаркете, рассчитанные на то, что человек, по сути своей, не терпит пустого пространства и спешит его заполнить. Так корзину и наполняют незапланированные покупки. А чего стоит обойти в магазине стенды с яркими упаковками. Товар, выставленный прямо на дороге, покупается импульсивно. А о том, что самые ходовые товары часто находятся в самом конце торгового зала, и говорить не приходится. Пока доберется покупатель до хлеба и сыра – столько всего увидит и купит! И товары для детей лежат очень низко – тоже неспроста. Вот и приходится родителям покупать очередной «Киндер», чтобы избежать детской истерики. О женщинах и говорить нечего. Сколько раз замечал за Людмилой: стоило той посмотреть на себя в большое, скорее всего, искривленное в нужном месте зеркало, как одежда, даже на ее безупречной фигуре, сидела мешковато. Приходилось покупать очередную вещь. Хорошо, он мог оплатить жене приглянувшуюся ерунду. Вот вам и вся психология!

Но тем не менее Савицкому пришлось выслушать целую лекцию о скрытой рекламе, которая проникла даже в женские романы. Правда, сам Иван Андреевич названных романов не читал и даже не подозревал о таких писательницах, как Донцова и Куликова.

Вот тогда Сомов и предложил оттиснуть в «Вечерних новостях», при случае, конечно, статью со скрытой рекламой реабилитационного центра. Договорились, что как только, так сразу.

Иван Андреевич в рекламе центра не нуждался и в обещания на пьяную голову не верил, и о Сомове забыл сразу, как только покинул вечеринку.

И вот надо же, статья появилась в газете. Скрыть рекламу, как обещал Сомов, по мнению Ивана Андреевича, журналисту Владу Волкову не удалось.

Вступительная часть писалась шаблонно, спустя рукава, и статья грозила быть неинтересной. Все сводилось к тому, что частный медицинский центр, которых не так много на Украине, помимо платных реабилитационных услуг совместно с фондом «Рука помощи» занимается благотворительностью, оказывает помощь одиноким престарелым людям. Дальше красочно повествовалось об условиях их проживания в центре, досуге и оздоровительных процедурах. И ни слова о самой реабилитации, врачах, программах, результатах восстановления пациентов. Словно ничего этого в центре и в помине не было. «И фотография Людмила совсем не к месту, – отметил про себя Иван Андреевич. – Вот вам и «скрытая реклама». Не статья, а прейскурант».

И если бы журналист не перешел к интервью, вряд ли кто дочитал бы статью до конца.

– По какому принципу вы отбираете на оздоровление людей, которые сами не могут оплатить услуги? – задал вопрос Волков.

– Непосредственно центр этими вопросами не занимается. Мы только оказываем услуги, которые частично нам оплачивает благотворительный фонд «Рука помощи».

– Выходит, как в лотерейном билете – кому повезет.

Людмила не нашлась, как остроумно ответить журналисту, и ответ повис в воздухе.

– Как я успел заметить, на оздоровление к вам поступают далеко не молодые люди, что вы делаете в случае их смерти?

– К сожалению, любой человек смертен, и наши пациенты не исключение. Мы обеспечиваем им оздоровление, но эликсира бессмертия у нас нет, поэтому...

Журналист профессионально направил разговор в другое русло и, подогревая интерес читателя, начал задавать неоднозначные вопросы. Но в отличие от журналиста Людмила не смогла так же блестяще ответить. Да что там Людмила, Иван Андреевич и сам бы на них не ответил. Действительно, как быть с теми, кто отходит в мир иной, находясь в центре? Кто и на какие средства организывает их похороны? Кто занимается поиском родственников умерших? Что делать в случае отсутствия тех самых родственников? Кому тогда достается наследство одиноких людей?

Профессиональные вопросы журналиста и совершенно дилетантские ответы Людмилы. Иван Андреевич отложил газету в сторону.

– Людмила, как это понимать? – Савицкий строго посмотрел на жену. – О каких смертях идет речь?

– Что значит о каких? У нас умирают пациенты, – Людмила непонимающе посмотрела на мужа. – А что тебя не устраивает? По-моему, статья неплохая. Реклама нашему центру не помешает. Тебе не нравится, как я отвечала?

– Люда, речь не о тебе и не о рекламе. Елена мне ни разу не говорила, что кто-то в центре умер.

– А почему она тебе должна об этом говорить? – вопросом на вопрос ответила Людмила. – Умирают только пациенты со второго этажа. А за них отвечает Антон Задонский.

При упоминании о Задонском Людмила немного смутилась и, чтобы скрыть замешательство, начала ложкой помешивать овсянку.

– Люда, за свой центр я сам отвечаю, а не какой-то Задонский. Ладно, – Иван Андреевич сменил гнев на милость, – я сам разберусь, кто и за что отвечает. Только запомни раз и навсегда: никаких интервью без моего согласия. Почему интервью давала ты, а не Елена?

– Но это бесплатная реклама и...

На вопрос мужа Людмила не ответила. Журналист был молодой и веселый, и ему самому неохота было общаться с Еленой. А вот она ему понравилась сразу. И Влад Волков с удовольствием пил кофе в ее кабинете и после того, как выключил диктофон, наговорил ей столько комплиментов. Людмила улыбнулась своим воспоминаниям.

– Еще раз повторяю – никаких журналистов без моего согласия. Я доходчиво высказал свою просьбу?

Людмила кивнула головой. От обиды у нее слезы навернулись на глаза и, не удержавшись, потекли по щекам. Ивану Андреевичу подумалось, что из таких синих глаз должны обязательно течь такие же синие слезы. Говорить больше не хотелось. Женских слез Иван не выносил с молодости. И чтобы загладить перед женой вину, опять открыл газету, словно ничего и не случилось.

На последней странице, ради которой многие и покупали газету, красовалась очередная полуобнаженная дива, претендентка на титул «Мисс Столица». Ниже, под стройными ногами будущей победительницы, печатался незамысловатый кроссворд, подтверждающий наличие интеллекта у среднестатистического читателя. А еще ниже – следовал старый анекдот, родом из юности Савицкого.

Отложив газету, Иван Андреевич старческой походкой направился в кабинет и, найдя записную книжку, набрал номер главного редактора и тут же дал отбой. Что он скажет Сомову? Что статья журналиста не понравилась? Так опять же статья, если бы не касалась его центра, была очень даже интересная. Вопросы – актуальные, ответы на них – пустые. Скорее всего, это несоответствие и насторожило его. «Надо срочно поговорить с Антоном Задонским и пусть тот сам постарается ответить на все вопросы журналиста», – решил Иван Андреевич и пошел обратно на кухню.

Когда он зашел попрощаться, Людмила успела привести себя в порядок. Недавно заплаканные глаза были безмятежны, как озеро в тихую погоду.

В девять часов утра возле подъезда Ивана Андреевича ждала машина.

Москва

– Ты только посмотри, что творится за окном! Мы со Стасом собирались поехать на выходные за город и на тебе – погода! – Елизавета счастливо прикрыла глаза. – Может, в кино сходим. Сто лет не была в кинотеатре.

– А я никуда не хочу. Я бы дома сидела. Только не получится. Отпрошусь с работы у Владимира Ивановича. Подстрахуешь, если что?

– Иди. За пару часов ничего не случится. А у тебя что, свидание со Стрельниковым?

– У меня билет на вечерний поезд в Киев. Надо вещи сложить. Хотя это громко сказано – сложить вещи. Я только на выходные туда и обратно. В понедельник буду на работе.

– Тур выходного дня?

– Отец у меня там.

– В каком смысле – отец?

Елизавета спросила так удивленно, словно дети могут появиться на свет без участия мужчины. Даже если бы Саша была из пробирки, то и для такого процесса все равно нужен был мужчина.

– Перед свадьбой я получила письмо от него. Если бы обратный адрес был, я бы сразу прочитала, а так отложила и забыла о письме. А вчера нашла. Теперь так неудобно.

– Тебе простительно, у тебя была свадебная суета. Странно, что он вообще о тебе вспомнил.

Свадебная суета, как говорит Елизавета, у нее была, но лишь отчасти. Самой свадьбы с белым платьем, на выбор которого можно потратить полжизни, фейерверками, тамадой и чужими людьми, кричащими «горько», у нее не было. А все остальное было: напутственные слова молоденькой сотрудницы загса, обручальные кольца, клятва Стрельникова быть с ней рядом и в горе, и в радости, теплые пожелания Софьи. Расписались они в пятницу, в конце рабочего дня, без спешки и суеты. Торжество отметили в ресторане в самом узком кругу. Из приглашенных были только свидетели Елизавета и Вячеслав Говоров, и еще под конец торжества подоспел Юра Степанков. Потом были телефонные поздравления родителей, друзей и коллег.

– Не было у меня никакой свадебной суеты, – напомнила Елизавете Саша. – Просто забыла о письме. Я вчера целый вечер пыталась до него дозвониться. Абонент временно недоступен.

– Может, телефон потерял, может, разрядился и не может найти.

– Если бы так. А вдруг он взял и умер, тогда что?

– Поверь, от безответных писем давно перестали умирать.

– Он писал, что плохо чувствует себя, настолько, что один не доедет ко мне. Вот я и решила съездить, чтобы совесть моя была чиста.

– Это еще вопрос – кто должен совесть очищать? – не унималась Елизавета.

– Я не имею права его винить. Моя мать тоже, знаешь, не подарок. У них не сложилась семейная жизнь. Мать потом встретила другого человека. Может, он сейчас с кем-то счастлив.

– Я не об этом. Жизнь не сложилась – это еще не повод, чтобы бросать своего ребенка.

– Я думаю, он и не собирался меня бросать. Может, он и хотел поддерживать отношения, но ему не разрешили, – Саша неуверенно стала на защиту отца. – Дед недолюбливал его настолько, что заставил мать сменить мне фамилию. Была Савицкая, а стала Андреева, как дед.

– Видать, правду говорят: в каждой избушке свои погремушки, – вздохнула Елизавета. – Ты едешь прямо к нему?

– Нет. Номер в гостинице забронировала. Приведу себя в порядок после дороги, а потом уже встречусь с ним. А вдруг его уже нет на свете? – Саша опять вернулась к тревожащему ее вопросу.

– Сколько лет твоему отцу?

– Молодой. Пятьдесят семь. Но смерть и возраст – категории мало сопоставимые.

Думать о человеке, которого она совсем не помнила, было трудно. «Иван Андреевич Савицкий», – она несколько раз по слогам произнесла имя отца, словно могла его забыть.

Киев

Вероника Ивановна проснулась по многолетней привычке около семи утра и прислушалась к царящей тишине. Прошло несколько мгновений, прежде чем она сообразила, где находится.

Обычно в такое время Маркиз, учуяв в комнате хозяйки движение, начинал скрести лапами в ее дверь. А когда дверь открывалась, пес, виляя хвостом, норовил лизнуть ей руку. Радость пса передавалась Веронике Ивановне. Она спешила на кухню включить чайник, чтобы успеть перед выгулом Маркиза не только выпить чашку чая, но и привести себя в порядок.

Так начинался ее день. В восемь утра она выходила из дома, ведя на поводке старого породистого пса. Неспешный маршрут был всегда один и тот же. От Крещатика до Бессарабской площади, потом вниз – к рынку.

Мясо она покупала через день. В понедельник – говядину, в среду – курицу, а в пятницу – баранину. В другие дни Вероника Ивановна покупала субпродукты. За многие годы наблюдательные продавщицы изучили рацион Маркиза наизусть. Купив продукты, Вероника Ивановна возвращалась домой и принималась готовить обед на двоих. Потом они шли гулять в парк. Вероника Ивановна садилась на скамейку, читала купленную газету и с интересом наблюдала за прохожими, а старый пес спокойно дремал у ее ног.

В первый момент, когда к ней подсел молодой человек, она даже насторожилась. К нынешней бритоголовой молодежи Вероника Ивановна относилась с опаской. Порой, после просмотра новостей, ей даже страшно было из подъезда выходить. Только она всегда с охраной, да и кому она нужна.

Первое впечатление оказалось ошибочным. Бритоголовый мужчина оказался не только приятным собеседником, но и заядлым собачником. И столько всего интересного рассказал о породе сибирских хаски, что Вероника Ивановна не удержалась и, махнув рукой на все предосторожности, пригласила нового знакомого к себе на чай. Показала старые дореволюционные альбомы, в которых хранились дорогие ее душе фотографии. А главное, чем подкупил ее старушечье сердце Антон, было умение слушать. Вероника Ивановна уже и сама не помнила, когда и кто с таким неподдельным интересом слушал ее воспоминания. Еле сдерживая слезы, она рассказала Антону всю свою жизнь: как познакомилась с будущим мужем, как отметили золотую свадьбу, вот тогда муж и подарил ей серо-белого Маркиза. Чтобы не скучно было.

А через неделю после знакомства с Антоном пес скончался. Вернувшись к обеду с прогулки, Вероника Ивановна положила Маркизу гречневую кашу, налила свежей кипяченой воды и пошла в гостиную смотреть очередной сериал. И забеспокоилась только, когда пес не пришел и не лег, как обычно, у ее ног.

Смерть Маркиза странным образом освободила Веронику Ивановну от обязанности жить на этом свете. Она все время боялась, что старого пса после ее смерти чужие люди выгонят прочь на улицу. И тогда бездомного Маркиза задерут молодые собаки или он сам помрет от голода. От этих мыслей на глаза всегда наворачивались слезы. Отныне Вероника Ивановна смерти не боялась.

Вдоволь наплакавшись у тела пса, Вероника Ивановна, близоруко шурясь, позвонила Антону Задонскому. Справиться с обрушившимся горем в одиночку ей было не под силу.

Антон Задонский приехал, как и обещал, поздно вечером. Мужчина, пришедший с ним, молча, не проронив ни слова, замотал тяжелое тело пса в покрывало и, взвалив его на плечи, направился в парк. Вероника Ивановна, опираясь на руку Задонского, еле успевала семенить за ним.

Поздним вечером в отдаленном уголке парка, под старым кленом появилась еле заметная насыпь.

Только свыкнуться с отсутствием пса оказалось не так просто. Вероника Ивановна постоянно забывала, что Маркиза нет. Проснувшись, звала пса и, только вспомнив свое одиночество, возвращалась в постель и остаток времени до завтрака лежала в кровати. Днем, когда была хорошая, не ветреная погода, она шла в парк, садилась на скамейке недалеко от старого клена и часами смотрела на прохожих. А потом силы начали потихоньку оставлять жизнелюбивую Веронику Ивановну. И вот тогда в ее жизни снова появился Антон Задонский.

«И откуда только берутся такие светлые и добрые люди? – Вероника Ивановна улыбнулась сама себе и посмотрела на часы. – Повезло же родителям с таким сыном».

Вероника Ивановна представила, каким нежным и заботливым может быть такой сын, как Антон.

Мартовская непогода зашумела за окном второго этажа. В скрипе деревьев почудился недобрый смех Дроздовской. Вероника Ивановна поднялась с постели, опустила ноги на пол, готовясь потихоньку встать, но слабость заставила ее снова лечь в постель.

«Ничего, – подбодрила себя Вероника Ивановна, – утром сестричка принесет витамины и появятся силы». Потом мысль с лекарства перескочила опять на Дроздовскую с ее пугающими разговорами.

Конечно, Дроздовской она не верила. Да и как верить сумасшедшей? Пусть твердит сколько хочет, что дела здесь творятся темные, только среди такой красоты и порядка зло не может жить.

Реабилитационный центр ей понравился сразу. Одноместная палата сияла чистотой, персонал улыбочивый и доброжелательный. Вроде не больница, а дом отдыха. Спасибо Антону, это же сколько денег на нее потратил! Спрашивала – не говорит. Да и не только на нее.

Первой в этом заезде была Конопатская. Эмма Эдуардовна, энергичная восьмидесятилетняя дама, поступила в центр за неделю до ее приезда. И тоже ведь не без помощи Антона.

А через несколько дней в их компании появилась Агнесса Харитоновна. Оздоровление ей тоже организовал Антон. Подружились они быстро, словно знали друг друга сто лет.

Оказалось, что Агнесса приехала в Киев к сестре десять лет назад, продав в Баку большую профессорскую квартиру, которую они занимали вдвоем с мужем. Смерть Ильи Петровича, известного на всю бывшую страну почвоведом, создавшего научную школу по мелиорации почв и энергетике почвообразования, подкосила и состарила красавицу Агнессу. Она долго противилась уговорам младшей, рано овдовевшей сестры, а потом сдалась. Продала квартиру и переехала в Киев с надеждой, что младшая сестра и проводит ее в последний путь. Но вышло наоборот.

Несколько особняком в их компании держалась самая молодая среди них, семидесятилетняя Зараева. Ольга Дмитриевна позволяла себе ругаться с медсестрами, необоснованно жаловалась на них главврачу, доводя тем самым персонал до слез. Поведение Зараевой они осуждали. Поэтому Ольга Дмитриевна только изредка посещала их посиделки в холле, предпочитая в одиночестве смотреть телевизор.

А еще была Дроздовская. Она была единственной, кто в центр поступил сам по себе. И когда Зараева беспардонно у нее спросила, кто оплачивает той оздоровление, ехидно ответила, что тот, кому она дома мешает жить. Получив ответ, они втроем облегченно вздохнули – их Антон здесь ни при чем.

Все разговоры Дроздовской крутились вокруг одной темы – скорой смерти. Чудилась ей везде эта смерть. Хорошо, что она покидала свою палату еще реже, чем Ольга Дмитриевна.

«Хотя, – размышляла Вероника Ивановна, – Дроздовская-то оказалась права. Смерть незаметно поселилась в центре. Первой умерла Эмма. Никогда ни на что не жаловалась, все ей в радость было. И, поди ж ты, слегла».

Вероника Ивановна вспомнила Эмму, лежавшую в постели, укрытую одеялом до подбородка. Правда, Сергей Николаевич, попросил ее сразу выйти, сказав, что Эмме Эдуардовне стало плохо. Только она видела – ничего ей не плохо. Умерла Эмма.

В тот вечер они впервые за три недели не собрались в холле, не пили вместе чай.

А еще спустя месяц умерла Ольга Дмитриевна. Вероника Ивановна тогда впервые испугалась. А ведь никто не думал о смерти. Приехали в центр на профилактику своих старческих болезней. Условия – как в дорогих пансионатах. Все – как в далекой молодости. И компания собралась интеллигентная, приятная, договорились после выписки из центра встречаться.

Так Вероника Ивановна за унылыми воспоминаниями незаметно и уснула. Потом пришла сестричка, принесла чудодейственные витамины, и ночные страхи улетучились. Стало легко и радостно. Вероника Ивановна силилась вспомнить причину нахлынувшего веселья, а вспомнив, что часов в одиннадцать обещал зайти Антон, начала приводить себя в порядок.

В десять, как обычно, когда Вероника Ивановна после завтрака засобиралась на прогулку, нянечка, выполняя все предписания, тихонько, без стука, чтобы никого не потревожить, приоткрыла дверь и, только завидев сидящую в кровати Веронику Ивановну, вкатила ярко-желтую уборочную тележку.

– Вы еще не на прогулке? Холодно сегодня на улице. Да не столько холодно, сколько ветрено, – тараторила нянечка. – Как спалось, Ивановна?

– Под утро плохо спала. Погода меняется.

– Мне сейчас убирать или когда пойдете на улицу?

– Убирайте, Нина Петровна, я сегодня останусь в палате. Боюсь пропустить Антона. Обещал сегодня заехать. А у меня для него сюрприз.

Вероника Ивановна понизила голос настолько, что Нине Петровне пришлось выключить пылесос и прервать начавшуюся уборку. Любопытство одержало верх. Нина Петровна, невзирая на строгие запреты главврача, присела рядом с Вероникой Ивановной. Кровать заскрипела под ее дородными телесами.

– Я решила сделать Антону дарственную на квартиру. Сегодня и оформим все документы, – по секрету сообщила Вероника Ивановна.

– А где же вы, голубушка, сами жить-то будете? – по-бабьи всплеснула руками Нина Петровна.

– Так квартиру Антон унаследует только после моей смерти, – объяснила непонятливой нянечке Вероника Ивановна. – У него, голубчика, сейчас трудности финансовые. Столько денег он тратит на таких, как я. Страшно даже подумать. Вот пусть душа порадует. Для кого мне квартиру-то беречь? Нет у меня никого на этом свете. Был один Маркиз, да и тот меня покинул. А Антон, он...

Выслушав самое интересное, Нина Петровна взялась за тряпку. Не ровен час, заглянет в палату Елена Евгеньевна, вмиг уволит. А где найдешь еще такую работу? Пациенты все милые, грубого слова не услышишь. В палатах не сорят, за собой следят. Да и работы с гулькин нос: полноценная ежедневная уборка только в палатах, занятых пациентами, а их всего три. Потом протереть пол в ординаторской, да и то не каждый день. Не любит Сергей Николаевич уборки, говорит, что его пылесос от работы отвлекает. А потом останется только пыль смахнуть в свободных палатах. Но здесь ей никто уже не указ – сама когда хочет, тогда и убирает. Разве это работа? И Нина Петровна бойко принялась протирать и без того чистый подоконник, вполуха слушая знакомую историю о том, как жизнь свела Веронику Ивановну с Задонским.

Сразу после одиннадцати часов, как и обещал, Антон зашел в палату Вероники Ивановны. И даже не один. Вначале она, по наивности, подумала, что Антон приехал со своей невестой. И она уже была готова опять рассказать историю знакомства с Антоном. И забыв, что тот должен приехать с нотариусом, была глубоко разочарована, что такая красивая женщина оказалась вовсе не Антоновой невестой.

После короткого знакомства нотариус обвела взглядом комнату, ища, куда поставить непростительно дорогой кожаный портфель, и, увидев свободное кресло, направилась к нему. Затем пригласила к столу Веронику Ивановну и, бегло просмотрев заранее подготовленные документы, не теряя дорогого, в прямом смысле слова, времени, приступила к своим обязанностям.

Смутная тревога пробежала по лицу Вероники Ивановны, но в это время ее сухонькую руку трогательно пожал Антон Задонский, и сомнения развеялись. Нотариус протянула серебристую, явно дорогую, ручку. Вероника Ивановна на мгновение задумалась, а потом медленно вывела свою подпись. Оформление документов заняло всего несколько минут. Антон Задонский кивнул нотариусу. И та быстро, не прощаясь, покинула палату, на ходу положив бумаги в портфель из крокодильей кожи.

Настенные часы, привезенные Вероникой Ивановной из дома, начали отсчитывать остаток ее брэнного времени.

Антон пересел с кресла на диван поближе к Веронике Ивановне и начал неспешный разговор на любимую тему своей подопечной – что творится в Верховном Совете. А там столько всего творилось, что можно было обсуждать вопросы государства до самого вечера. Только времени у Антона в отличие от депутатов, заседавших в Верховном Совете, не было. И рассказав напоследок анекдот, Антон Задонский быстро, слишком по-деловому, распрощался с Вероникой Ивановной, пообещав навестить ее на выходных.

Когда Задонский закрыл дверь палаты, Вероника Ивановна, чтобы не забыть, повторила только что услышанный анекдот.

Гуляет по двору бульдог. Видит – на балконе сидит пудель. Бульдог ему и говорит:

– Выходи-ка ты ко мне погулять.

– Я не могу. Я заперт дома.

– Так прыгни с балкона!

– Нет, не хочу, чтобы у меня была такая морда, как у тебя.

И осталась довольна своей памятью. Будет что рассказать Агнессе. И еще она непременно поведаст ей о своем решении. Правда, Антон просил никому не говорить о подарке. Вероника Ивановна никому и так не собиралась ничего рассказывать. Агнесса не в счет. Дремота мягкой паутинкой спеленала ее тело, и Вероника Ивановна уснула, сидя на диване.

Антон Задонский в центре задержался ненадолго. На минутку заглянул к главврачу, попросил уделить больше внимания его подопечной. Судя по тому, как ухмыльнулась Елена Евгеньевна, просьба будет выполнена безотлагательно. Напомнил о новом поступлении, которое ожидается на следующей неделе. Справившись с неотложными делами, он быстро направился в кабинет представителя по связям с общественностью, но дверь оказалась запертой. Людмила не было на месте. Быстрого секса, на который рассчитывал Антон после пережитого напряжения, не получилось.

Во второй половине дня Задонский уже был в центре Киева. Он так стремительно появился в офисе, а самое главное – так неожиданно, что Эвелина, пятая по счету секретарша, только и успела, что убрать со стола гламурный журнал. Она удивленно захлопала наращенными ресницами и подавила улыбку, зная наперед, что улыбка раздражает Задонского.

И что только в нем находят женщины? Эвелина, как и четыре предыдущие секретарши, не могла взять в толк. С виду неказистый, высокий, худой, с выбритой до синевы головой, далеко не Алэн Делон. Одевался дорого, но без определенного стиля, предпочитая джинсы и пиджаки с яркими водолазками зимой и аляповатыми рубашками навыпуск – летом.

Эвелине, как и четверем предыдущим секретаршам, больше нравился второй соучредитель компании. Интеллигентный Олег Круглов был полной противоположностью Задонского. И не только в одежде.

Все назревшие в компании проблемы и конфликты Олег Николаевич решал спокойно, не повышая голос и не грозя увольнением.

И случись у кого личные проблемы, то обращались за помощью исключительно к нему. И помогать Круглов умудрялся так, что, принимая помощь, сотрудник при этом не унижался.

Жаль, что навещался Круглов в офис все реже и реже. Да оно и понятно, работа организована надежно и под постоянным контролем. У Задонского не забалуешь – уволит и глазом не моргнет. Она-то уже пятая по счету. И когда остановится этот счет – неизвестно.

Эвелина изо всех сил старалась не попасть Задонскому в немилость. Хорошо, что большую часть рабочего времени тот проводил вне офиса. Хотя и в его отсутствие всегда работы хватало.

Ровно в восемь утра и ни минутой позже Задонский появлялся в приемной. К его приходу она должна была сварить кофе, чтобы тот успел остыть, и тут же приступать к ежедневной рутинной работе: зарегистрировать корреспонденцию, разнести документацию по отделам, ответить на многочисленные звонки и с улыбкой встречать посетителей. Только ее работа ни в какое сравнение не шла с работой остальных отделов компании «Рука помощи».

В диспетчерскую звонки поступали по нескольким линиям круглосуточно. Два диспетчера выслушивали проблемы, просьбы и требования, озвучивали прейскурант услуг, задавали уточняющие вопросы, после чего заносили фамилии и адреса клиентов в разные базы, и не дай бог что-нибудь перепутать. Информация с базы данных поступала в следующий отдел. Там обязанности разделялись между медсестрами, нянечками и сиделками. Потом к работе подключался отдел материально-технического обеспечения. Он снабжал медсестер, нянечек и сиделок всем необходимым для выполнения их служебных обязанностей. Там выдавались подотчетные ходунки, костыли, капельницы, штативы и прочее, прочее, чему названия Эвелина не знала. И когда очередь доходила до четвертого отдела, спецмашина с эмблемой компании «Рука помощи», готовая доставить бригаду в любой район Киева, подавалась на выезд.

А еще был маленький оперативно-аналитический отдел, который отслеживал и анализировал все, что только можно было отследить и проанализировать. Главное – вовремя заметить конкурентов и не допустить их на рынок.

Несмотря на давно отлаженную схему, подход к работе у соучредителей тоже был разный. Уж кому это лучше знать, как не пятой по счету секретарше.

Задонский больше времени проводил за пределами офиса. Вот и сегодня куда-то умчался с утра. Нет, чтобы сказать, когда вернется. Ей даже обидно стало, что не смогла ответить Круглову ни где Антон Игоревич, ни когда появится в офисе, а может, и вовсе не появится.

Круглов свою работу выполнял в офисе. Часто засиживался за компьютером, сверяя отчеты. Тогда требовалась ее помощь, она с удовольствием помогала Круглову: созванивалась с отделами, приносила сводки с оперативного отдела и варила крепкий кофе. Круглов кофе пил обжигающий. И посетителей он принимал строго по времени, оттого в приемной никогда не собиралась очередь.

У Задонского так не получалось. Дамы в ожидании Антона Игоревича часами просиживали в приемной, выпив не одну чашку кофе, и отвлекали ее пустыми разговорами. А как томно вздыхали и закатывали глаза при его появлении!

Только благодаря легкой влюбленности в Круглова ни одна секретарша не видела очевидного факта – не было у Круглова такого обаяния и энергии, которые с лихвой достались Задонскому. Только Задонский умел так располагать к себе людей, что им начинало казаться, что, не появившись в их жизни Антон Игоревич, мир потерпел бы крушение.

Оттого все дела Задонский старался вести исключительно с женщинами. Ненавязчивым ухаживанием и умением подчеркнуть их неотразимость он магнитом притягивал к себе слабый пол всех возрастов. Мужчины с интеллектуальными мускулами доставались Круглову.

Пятая по счету секретарша, как и все предыдущие, не знала, что на природной смекалке и умении слушать людей Задонский построил свой бизнес и сколотил состояние, необлагаемое налогами. Как порой важно не столько говорить, сколько слушать. Эту простую аксиому Задонский вынес с первого курса университета. В потоке слов внимательному слушателю открывается гораздо больше сказанного: все страхи и тревоги, надежды и даже планы, о которых прямым текстом и не говорилось.

Ни одна секретарша не знала, что благодаря легкому характеру и сговорчивости Задонскому удавалось быстро решать массу проблем, связанных с аккредитацией, налоговой инспекцией, пожарными и прочими службами. Вовремя положенный конверт и продуманное поведение не только экономило время и силы, но и давало возможность бизнесу прочно держаться на плаву.

– У нас Олег Николаевич, – излишне радостно сообщила Эвелина. – Вам кофе, чай?

Задонский не стал отвечать на вопрос.

Олег, бросив на стол пиджак, сидел в кресле Задонского, просматривая месячный отчет. Цифры, прыгающие на экране компьютера, радовали. Прибыль заметно росла. И если бы не утренняя газета, Олег Николаевич Круглов спокойно улетел бы в Германию на кардиологический симпозиум. Но улететь, не получив от Задонского вразумительного ответа, Круглов не мог. Порядок в отчетности и отсутствие Антона немного разрядили обстановку.

– Ба, какие люди! Каким ветром? – Балагуря, Антон крепко пожал руку партнеру и опустился в кресло, предназначенное для посетителей. – Я думал, уже Европу просвещаешь! А ты в нашем скромном офисе.

Спич не тронул хмурого Круглова. Не реагируя на тираду, он молча развернул газету и так же молча подвинул ее Антону. Задонский прекратил треп и, пробежав глазами страницу, на ходу уловил то, ради чего приехал Круглов.

– Ну и? Не понял, в чем прикол? Заказная статья. Скрытая реклама реабилитационного центра. Обычное дело в наше время.

Задонский отложил в сторону газету и выжидающе смотрел на Круглова.

– Нет, ты потрудись дочитать до конца, – Круглов настойчиво подвинул газету Антону. – Объясни мне, о каком сотрудничестве идет речь? Каким «пожилым людям» мы «оплачиваем пребывание в частном реабилитационном центре»? С каких это пор у нас есть «фонд помощи одиноким людям»? – процитировал корреспондента Круглов.

Никакое вразумительное объяснение Задонскому не приходило в голову. Он впервые не знал, как правильно себя повести: продолжать балагурить или признать свое поражение и выложить все как на духу. Натолкнувшись на испытывающий взгляд Круглова, Задонский выбрал третий вариант.

– Подожди, какой фонд «Рука помощи»? Мы-то здесь при чем? С чего ты взял, что речь идет о нашей компании? Может, просто кто-то ошибся и сказал первое, что на ум пришло, – Антон еще раз пробежал глазами по статье, оттягивая время. – Ну, вот смотри, интервью дает представительница по связям с общественностью. Какая-то безмозглая курица. Ей все едино, что рука, что нога помощи. Хотя интересная дама, не находишь? – Задонский рассматривал фотографию Савицкой. – Согласен, – Задонский отложил газету, – неприятно, что кто-то ссылается на нашу компанию без нашего ведома. А с другой стороны, и нам реклама. Но, если хочешь, наш адвокат подаст в суд на реабилитационный центр за использование нашего бренда. Суд выиграем. Враг будет побежден и возместит наши моральные страдания. Лады?

Олег, ничего не говоря, устало потер лоб. Это был хороший знак. Круглов никогда не мог долго наступать. В словесной дуэли он всегда проигрывал. Речь – не его конек.

Так сложилось изначально. В их коммерческом тандеме было четкое распределение ролей. Каждый играл только на своем поле. Не забегал, как в футболе, на чужое, не путался под

ногами, не ставил подножку. Четкие правила игры давали возможность компании ежегодно увеличивать обороты.

Вальяжный, немного флегматичный Круглов был, как говорят, мозговым центром компании. Антон генерировал идеи. Непонятно, в какой части мозга они зарождались, но все, как одна, были авантюрные. Круглов их анализировал, находил слабые стороны и большую часть забраковывал. Остальные просчитывал и давал «добро» на их реализацию. Говорил при этом он мало и путано. Возможно, поэтому Олег так быстро защитил докторскую диссертацию и продвигал науку в лаборатории, где требовались усидчивость, расчет и способность предвидеть результат, но никак не словесное сотрясение воздуха. И лекции он читал студентам скучно и неинтересно.

А уже к реализации проекта приступал, как говорят, с искоркой Задонский. Он любил это самое «сотрясение воздуха» и рабочую суету.

Так они работали больше десяти лет – каждый на своем поле, но за одну команду. Ни одного договора не подписал, ни одной сделки не заключил Антон, предварительно не получив «добро» от Круглова. Кроме одной...

– Антон, мне очень хочется верить, что эта статья нас не касается. И твои способности к авантюрам здесь ни при чем.

Круглов испытующим взглядом смотрел на Задонского. Взгляд Антон выдержал.

– Я не готов с тобой спорить по поводу интеллекта той, как ты говоришь, курицы, – продолжил Круглов. – Возможно, она ошиблась. Но ты меня знаешь. Вернусь и проверю. Если, не дай бог, окажется, что фонд «Рука помощи» хоть каким-то образом имеет к нашей компании отношение...

Говорить дальше, что ждет Антона Задонского в случае его причастности к организации благотворительного фонда за его спиной, Круглов не стал. Они посидели еще некоторое время, молча думая о своем.

– Ты не опоздаешь на самолет? – буднично спросил Задонский, которому не терпелось побыстрее спровадить Круглова. И уловив нетерпение в голосе Задонского, тот не спеша поднялся, забрал брошенный пиджак и, не прощаясь, покинул кабинет.

Антон взял газету и внимательно прочитал статью. «Вот дура, – сквозь зубы процедил Задонский. – Хорошо, что куриных мозгов хватило мою фамилию не назвать, а то пришлось бы вешаться при Круглове».

Если бы он сейчас спустился вниз, то мог бы догнать Круглова и все рассказать. И покайся он сейчас, Олег простил бы его. Конечно, цена прощения – выход из компании. Узнай, какой благотворительностью он занимается, чистоплюй Круглов работать с ним не станет. И это – полбеда. Только Круглов на этом не остановится. Будет переть как танк и уничтожит все, что он создал, а заодно и его, Антона Задонского.

Круглов давно уехал, а Антон все сидел в кресле для посетителей. Он мог еще догнать Олега в аэропорту и попытаться объяснить, что бес попутал или кто-то другой. Но ничего не стал делать. Просто пересел в свое кресло директора компании «Рука помощи».

«Да кто ты без меня, чистюля, «ботаник» лабораторный? Так, один пшик, – дал волю накопившейся злобе Задонский. – Что ты можешь без меня? Видите ли, статья его задела. – Антон со злостью сгреб газету и, скомкав, швырнул ее вслед давно ушедшему Круглову. – А ведь вернется и до всего докопается. Найдет журналиста, съездит в реабилитационный центр. И не остановится, черт бы его побрал, пока все не выяснит».

Утреннее настроение, приподнятое благодаря полученной дарственной, растаяло без следа. На решение проблемы оставалась ровно две недели. Задонский подвинул ближе к себе календарь и обвел черным кружком дату возвращения Круглова из командировки.

Поездов Саша не любила. Время в дороге всегда тянулось необычно долго. Глаза от чтения быстро уставали, слушать музыку с наушников, когда каждый звук впивался в мозг, она не умела. Оставалось одно занятие – смотреть в окно и наблюдать за однообразным пейзажем. Она всегда завидовала тем попутчикам, которые могли спать всю дорогу. Ей самой уснуть удавалось только под утро. Всю ночь она прислушивалась к движению поезда, ожидая очередной станции, чтобы провалиться в короткий сон. А потом, стоило поезду набрать скорость, тут же просыпалась и лежала, не сомкнув глаз. И только с рассветом, когда за окном начинало сереть, незадолго до конечной остановки, ее окутывал долгожданный сон.

Сегодня все было иначе. Усталость и тревога нескольких дней дали о себе знать, как только Стрельников покинул вагон, поцеловав ее на прощание. Постелив постель, она с наслаждением вытянулась на узкой полке, всем телом ощутив усталость. Уснула она сразу, как только прикрыла глаза. Некоторое время сквозь дремоту она еще слышала, как соседка заказывала чай и возилась с сумкой. А потом все звуки исчезли, и она провалилась в крепкий сон.

– Спасибо, что ты едешь. Я уже не надеялась. Кроме тебя, никто с этим не справится.

Сидящая на соседней полке женщина внимательно смотрела на Сашу.

– Я только туда и завтра вечером обратно, – сообщила Саша собеседнице.

В ответ женщина грустно улыбнулась.

– Чем я вам могу помочь? Я еду к отцу.

– Главное – ты едешь. Я прошу тебя...

Женщина немного подалась вперед и взяла своими холодными морщинистыми руками Сашину руку. От прикосновения ее рук холод разлился по телу и в кончики пальцев впились ледяные колючки.

Поезд притормозил. Вагон качнулся, и она проснулась и осмотрелась. На соседней полке светился экран оставленного ноутбука, попутчица разговаривала в коридоре с проводницей. В купе сквозь неплотно прикрытую дверь пробивалась полоска света. Выходит, спала она не так уж и долго. Рука затекла и онемела. Сердце учащенно билось в груди. Опять эта незнакомая женщина говорила загадками.

Саша легла на спину, положив затекшую руку поверх одеяла. Она плотно закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти лицо незнакомки. О чем она просит каждый раз? Кому нужна помощь?

В понедельник снова налетел мелкий мокрый снег. Может, из-за непогоды Иван Андреевич Савицкий слушал доклад коммерческого директора рассеянно. Пугающая слабость и безразличие к происходящему плавно окутывали все тело. Генеральный директор холдинга «Инвест-Север» никак не мог сосредоточиться на докладчице. Вопросы, которые он хотел задать коммерческому директору, не складывались в предложение. Умом-то он понимал, что надо спросить, а язык не слушался. Даже смешно. И чтобы подавить неуместную улыбку, Савицкий беспомощно сдвинул очки на переносицу.

От внезапного стука в дверь Вера Васильевна запнулась на полуслове и выжидающе замолчала. Прервать их разговор секретарь могла только в экстренных случаях. За все время, сколько она работает, такого случая еще не было.

– Иван Андреевич, я подумала, что это срочно, – Ирина, молоденькая секретарша Савицкого, положила перед ним синюю кожаную папку и, не дожидаясь дальнейших распоряжений, вышла из кабинета.

Вера Васильевна отвела взгляд от бумаг, мелко усеянных цифрами, и посмотрела на Савицкого.

Иван Андреевич, почувствовав вопросительный взгляд Дмитриевой, отложил папку в сторону. Слабость, так внезапно накатившая, потихоньку начала отступать. Голова просветлела, словно спала невидимая пелена.

– Вера, давай завтра с утра со всеми бумагами ко мне. Время терпит еще?

– Время-то терпит. Копию договора я занесу юристам. Меня вот что беспокоит... – Вера Васильевна на минутку замялась.

– Ладно, Вера, давай все вопросы и беспокойства перенесем на завтра, – Савицкий раздраженно махнул рукой.

Вера Васильевна, тяжело вздохнув, начала собирать со стола только что разложенные бумаги. Красивые, ухоженные руки захлопнули еженедельник. В этом была вся Вера. Вопросы, расписанные твердым каллиграфическим почерком, остались нерешенными. Поднявшись с низкого неудобного кресла, бросив тревожный взгляд на Ивана Андреевича, она молча направилась к двери.

– Ирина, Ивана Андреевича пока не беспокоить. Всех, жаждущих увидеть Савицкого, направлять ко мне. И сделай мне, пожалуйста, чай с мятой.

Распоряжение Вера Васильевна отдала понимающей Ирине на ходу, явно думая не о чае.

Ирочка понятиливо кивнула головой. Можно было и не напоминать. И так ясно – случись что, вопросы будет решать Дмитриева. И только вспомнив недавнюю незаслуженную выволочку от Ивана Андреевича, секретарь нахмурила тонюсенькие брови.

Опустившись в свое старое, удобное кресло, не чета стоявшим в кабинете Савицкого, Вера Васильевна еще раз бегло просмотрела лежавший на столе договор. Все в порядке. С договором-то все в порядке, а вот с Иваном Андреевичем – нет. Смутная, необъяснимая тревога зарождалась в душе. Не нравился ей что-то в последнее время Савицкий. Ведь еще на прошлой неделе внесли коррективы в этот договор, а сегодня опять поднял вопрос и так внимательно слушал, словно впервые.

Как-то он изменился за последний год. Может, просто стареет? И я вместе с ним. Себя со стороны не видно.

Мысль о старости настроила Дмитриеву на мажорный лад. Свой возраст Вера Васильевна любила. Дети выросли, разлетелись, муж занят с утра до ночи в институте, и у нее наконец-то появилось время заниматься только работой, без постоянных стирок, уборок и ежедневной смены у мартена, как она называла кухню.

Вера Васильевна не удержалась, подошла к шкафу и открыла дверцу, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Безупречная прическа, деловой фирменный костюм сидит как влитой, офисные туфли подчеркивают стройность ног. Своим видом Дмитриева осталась вполне довольна. Чтобы не спугнуть приятное отражение в зеркале, она осторожно закрыла шкаф.

«С Иваном завтра прямо с утра поговорю. Может, что-то случилось и ему нужна помощь? А я сразу о старости. Какая старость, когда шестидесяти нет?»

Двадцать лет назад в списке претендентов на вакантную должность главного бухгалтера Вера Дмитриева была последней. Свои шансы она оценивала реально и никаких иллюзий не строила. Шансы приравнивались к нулю. На фоне конкуренток модельной внешности Вера смотрелась простой деревенской теткой. Волосы уложены в тугий узел, длинная серая юбка со старой короткой курткой и такое же серое лицо состарили Веру лет на десять. Но ее это ничуть не смущало. Буря, пронесшаяся над головой, слава богу, лишила ее только работы. А это, как известно, наживное. Все могло быть гораздо хуже. Но передряги, из которых ей еле удалось выпутаться, и стали тем весомым аргументом в ее пользу. На следующий день она вышла на новую работу.

Ирина принесла чай с мятой и доложила о срочном отъезде Савицкого, прервав ностальгические воспоминания Веры Васильевны.

Иван Андреевич после ухода Дмитриевой для своего же спокойствия запер дверь на ключ и снова открыл папку, в которой лежал стандартный лист бумаги. Сообщение, нарушившее конфиденциальный разговор Савицкого с коммерческим директором, было настолько неожиданным, что привело Ивана Андреевича в замешательство. Он несколько раз пробежал по

написанным от руки строкам. Дочь указала не только дату, но и время. Выходит, с ресепшена не спешили передать письмо. Посторонний человек, видите ли, им не указ. Иван Андреевич посмотрел на часы. Он мог бы получить письмо в начале рабочего дня, еще пять часов тому назад. Он потянулся за телефоном, чтобы дать указание секретарю разобраться с неприятным инцидентом, но внимание само собой переключилось на десятизначный номер телефона. Савицкий устало опустил трубку внутреннего телефона, плохо соображая, кому собрался звонить.

«Может, надо было Вере рассказать о приезде дочери? А то подумает – секреты от нее. Но тогда пришлось бы рассказать и о причине ее приезда. А Вера, дай только повод, выведает всю подноготную». И липкий страх, что он тихо сходит с ума, навалился с такой силой, что Иван Андреевич ничего умнее не придумал, как выпроводить Веру из кабинета. Нет, не мог он ничего рассказать никому, даже Вере, от которой за двадцать лет и секретов-то настоящих не было. Мужские секреты – не в счет.

Было время, он даже пытался приударить за Дмитриевой, да вовремя опомнился. Ничего определенного предложить Дмитриевой, любившей постоянство, он не мог в силу своего хронического брака, а потерять такого сотрудника – непозволительная роскошь. Так все и угастро, не разгоревшись.

«Надо было бы поговорить с Верой. Давно надо было поговорить. После того случая и надо было, – запоздало подумал Савицкий. – Кто-кто, а Вера точно что-то придумала бы».

Посидев еще некоторое время в тишине, Иван Андреевич собрался с мыслями и набрал незнакомый номер. А потом и вовсе покинул офис.

Москва

Ехать на выходные к родителям Роман Лагунов не собирался. В десять утра, выспавшись и позавтракав, он с удовольствием уселся за рабочий стол. Работы было немного, но так повелось, что к любому, даже самому пустячному, делу Роман Лагунов, член Московской окружной коллегии адвокатов, относился со всей серьезностью и ответственностью. Он ни разу не выступил в суде экспромтом. К выступлению он заблаговременно и тщательно готовился, логически выстраивая все факты. Защитную речь он начинал с бесспорных подтвержденных данных, затем шло фактическое описание дела и напоследок – краткая, выразительная заключительная часть.

Лагунов открыл папку с ксерокопиями документов. На строительную компанию его старого друга заказчик подал в суд. Предстоящее дело было интересно Лагунову и тем, что до этого он выступал «по ту сторону баррикад», защищая в суде интересы заказчика. Арбитражные суды он блестяще выигрывал в пользу своего истца еще и потому, что строительные компании всё, как одна, делопроизводство вели из рук вон плохо. Зная все эти «подводные камни», он теперь подготовил мощную доказательную базу качественного проведения работ строительной компанией «Стрела». И все эти документы уже лежали в его папке. И если бы мысли предательски не крутились вокруг отказа от приглашения Татьяны приехать в гости, он бы давно определился с правовой позицией на суде. «Надо было согласиться и пойти в гости. Или придумать весомый отказ. А так получилось, что бумаги важнее всего: и пирогов, и бабушкиной благодарности».

Татьяна его волновала, как ни одна женщина раньше. Было в ней что-то исконно женственное. Она не отличалась вызывающей головокружительной красотой, но в ее облике было столько нежности, доброты и надежности, что рядом с такой женщиной мужчина стремился быть лучше. Он боялся видеть себя рядом с ней. «Ничего из этого не получится», – сказал себе Лагунов и наконец-то принял за работу.

О том, что между ними ничего не будет, Лагунов знал с того момента, как Андреева сказала, что Татьяна – дочь той погибшей женщины. Он помнил скрип тормозов, тупой удар о бампер, скользкий асфальт и пульсирующую боль в своей голове...

Мать позвонила неожиданно. Он даже сам удивился звонку. Обычно звонил отец, а мать только передавала привет, а теперь в трубке звучал ее взволнованный голос. В кои-то веки мать попросила его приехать к ним на обед. Он уже и не помнил, чтобы мать его о чем-нибудь просила. А может, и вовсе никогда не просила.

Девиз «понять, простить и принять», заложенный однажды профессором Степанковым, начинал срабатывать, и он сразу согласился.

Понять недовольство матери по отношению к себе он никогда не мог. Мать раздражалась постоянно по любому поводу. Его успехи и удачи раздражали ее в той же степени, что и неудачи и провалы. Он всегда старался, чтобы в его жизни было только первое. Теперь это выглядело просто смешно.

Заставить мать любить себя было невозможно. Он принял это как должное и простил ее.

Но главное было в том, что он научился самому сложному – принимать себя таким, какой он есть на самом деле, не стараясь подогнать себя под придуманные стандарты.

Случись этот звонок раньше, он бы сослался на срочные дела, и отказался бы от приглашения, и не поехал бы к родителям на обед, зная, что мать найдет любой предлог и начнет на него сердиться. Так было всегда. И он начинал оправдываться и стараться быть лучше, чем был на самом деле. И боялся, что не соответствует образу хорошего сына. Но теперь, когда прокрустово ложе рассыпалось, он наконец-то почувствовал свободу и приехал к родителям.

– Я приехал! Где обещанный сюрприз? – Роман прокричал на весь дом, чтобы родители услышали. Голос завибрировал, долетел до второго этажа, ударился в потолок и растаял.

Он так и стоял посреди холла, прислушиваясь к тишине. Если бы не машины во дворе, можно было подумать, что родители остались в городе, а звонок матери – необдуманый розыгрыш.

Роман вышел на террасу, вдохнул сырой мартовский воздух, а с ним и запах шашлыка. И в этот момент его глаза прикрыли женские руки. Руки были холодные, как несколько дней назад, когда он пожал их на прощание. На мгновение земля качнулась под ногами, в горле пересохло, мысли понеслись одна впереди другой. Он стоял, боясь открыть глаза, до конца не веря в свалившееся на него чудо. Женские руки медленно соскользнули на шею, серое небо ударило в глаза, и он торопливо обернулся.

– Ты?

Ноги обрели почву, мысли остановили бег, и Лагунов судорожно глотнул воздух.

– Я. Здравствуй.

Лера стояла на шаг от него и улыбалась своей волнующей улыбкой. «Сейчас она поправит волосы», – зачем-то подумал Лагунов.

– Я же говорила, что тебя ждет сюрприз! – В голосе и тоне матери звучала хорошо отрепетированная радость. – Проходите в гостиную, шашлык почти готов.

– Ты как здесь?

– Как и ты – заехала в гости.

Лера говорила чистую правду и только правду. Звонок Ольги Эдуардовны для нее был неожиданностью. Она так и не поняла, кто ее больше ждет – Роман или Ольга Эдуардовна.

– Ты не изменился, – Лера поправила волосы и улыбнулась, обнажив белые ровные зубы.

– Ты тоже. Нет, ты стала лучше.

В Лагунове заговорил живущий в душе адвокат, и он быстро исправил допущенную оплошность. Заключительная речь должна засвидетельствовать почтение к суду.

– Ты сердисься на меня?

– Нет. Честно, не сержусь, – Лагунов приложил руку к груди. – Я долго болел, – без стеснения признался Лагунов, – и много думал. Не бери в голову. Не сержусь.

– Чем занимаешься? Все так же успешно оправдываешь виновных? В Интернете о тебе пишут. Над чем сейчас работаешь? – Лера взяла его под руку. – Читала, что ты начал заниматься благотворительностью, даешь бесплатные консультации кому ни попадя. Это правда?

– Правда, – ответил Лагунов. – Консультирую тех, кто не может заплатить. Если ты заметила, мои услуги стоят очень дорого.

Он говорил легко и с улыбкой, так, как разговаривают взрослые с детьми, отвечая на их наивные вопросы.

Лере меньше всего хотелось говорить о его делах. Дела Лагунова ее никогда не интересовали, и сейчас о работе она заговорила, чтобы показать, что ей важно все, что с ним происходит. Ей было без разницы, какими делами он занимается. Главное, чтобы его старания хорошо оплачивались. Судя по тому, как выглядел Роман, дела у него шли ничуть не хуже, чем раньше. Лагунов выглядел все так же дорого и презентабельно, как и положено преуспевающему адвокату. Только что-то изменилось в нем. Лера так и не поняла – то ли дело в одежде, то ли во взгляде, то ли в голосе меньше цинизма. Но что-то, несомненно, изменилось.

– Твоя благотворительность не повлияет на репутацию? Может сложиться неправильное мнение о тебе, как об адвокате. Ты так не думаешь?

– Нет, не думаю, – улыбнулся Лагунов. – Лера, на всех угодить нельзя и под все мнения не подстроишься. А репутация – понятие многогранное.

– И где ты постиг эту философию, если не секрет?

– Да какой там секрет – в больнице и постиг. Ты лучше расскажи, как сама?

– Соскучилась по тебе. Сильно, – Лера сказала и сама поверила сказанному. – Ты думал обо мне?

– Думал.

Роман Лагунов должен был честно признаться, что давно не думал о ней, что в его новой жизни ее место заняла другая женщина: не такая красивая, не такая доступная, и перспективы у него с ней, к сожалению, никакой. Но живший в нем адвокат ответил неопределенно, как и полагается отвечать в ситуации, когда доводы сомнительны своей правдивостью.

– Ты говоришь как-то неуверенно.

– Мужчина думает о женщине каждые полчаса, – добавил Лагунов.

– Я серьезно.

– Я тоже. Ученые эксперимент провели и подсчитали.

– Ты изменился, – заметила Лера.

Этот короткий вывод ее озадачил настолько, что она даже за обеденным столом не села рядом с Романом, как того хотела Ольга Эдуардовна, а заняла место напротив. И теперь внимательно всматривалась в его лицо, пытаясь понять, что же изменилось. «Постарел, – сделала под конец трапезы заключение Лера». Мысль о возрасте ее немного расстроила. Хотя какое ей дело до этого. Она выглядит ослепительно. Она по-прежнему волнует всех мужчин, за исключением разве что младенцев, и будит в них неиссякаемое желание, если верить Лагунову, каждые полчаса. Лагунов не исключение. Правильно она сделала, что не села рядом. Пусть смотрит и волнуется.

Обед затянулся и грозил плавно перейти в ужин. За столом говорили в основном Ольга Эдуардовна и Лера, вспоминали пролетевшее лето, потом заговорили о Париже, куда Ольга Эдуардовна намеревалась лететь на следующей неделе. Андрей Степанович, чтобы не молчать, справился о здоровье Лериных родителей и попросил передать им привет. А потом ему позволили из мэрии, и он, сославшись на неотложные дела, покинул застолье. Ольга Эдуардовна слегка посетовала на мужа и переключилась на сына. Стали обсуждать его работу и посмеялись над его блажью, над пресловутыми бесплатными консультациями.

Роман за столом скучал. Если бы не адвокатская привычка, он бы не сдержался и встрял бы в женский разговор, и начал бы оспаривать свою блажь, доказывая, что это нормальная, признанная всем цивилизованным миром, практика. А еще он подумал, что все это представление с обедом мать организовала с одной целью, чтобы он наладил отношения с Лерой. Лагунов улыбнулся своей догадке и стал смотреть на Леру.

Любил ли он эту женщину? Если секс – это и есть любовь, то любил. Если что-то больше, то – нет. Он собирался жениться на ней или она собиралась женить его на себе. Накануне аварии Лера пригласила его на какое-то торжество, чтобы познакомить с родителями. Но случилась авария, и он никуда не поехал. И не женился.

За столом опять заговорили о Париже, и он прикрыл глаза. И только когда тема коснулась погоды, Лера засобиравалась домой.

– Ты меня подвезешь? Я приехала на такси.

Лера задала вопрос просто так, зная наперед положительный ответ.

– Извини. Я останусь у родителей.

Лагунов подавил в себе голос адвоката и не пошел на многообещающий компромисс.

– Значит, старой привычке не изменяешь и, выпив, за руль не садишься?

Он все время ждал, когда Лера заденет его за самое больное и напомнит об аварии. От воспоминаний Лагунов поморщился.

– Я вызову тебе такси.

– Не надо. Я сама.

Последнее слово она оставила за собой. И не страшно, что не подвез. Всему свое время. Сам приедет. Не завтра, так послезавтра.

– Лера, вы уезжаете? Так рано! У меня пирог скоро подспеет.

– Ольга Эдуардовна, пирог у вас, я больше чем уверена, вкусный, но после пирога я завтра полдня проведу в спортзале.

Лера посмотрела на Лагунова и заправила прядь за ухо. Он помнил этот волнующий жест, который открывал длинную красивую шею. Он когда-то любил целовать ее бархатистую кожу.

Машина с желтой «шашечкой» остановилась у кованых ворот. И они втроем направились к такси. Ольга Эдуардовна на прощание поцеловала гостью и легонько подтолкнула ее к Роману. Он, в точности следуя примеру матери, слегка коснулся губами Лериной щеки и прислушался к себе. Никакого трепета не было. Выходит, ученые на его счет ошиблись.

Он помог Лере сесть в такси и смотрел вслед, пока машина не скрылась за поворотом.

– Ты очень холодно простился с Лерой. – Ольга Эдуардовна констатировала свершившийся факт.

– Уж как есть.

– Мне твоя девушка нравится.

«Что поделать – она многим нравится», – подал голос адвокат, живший в душе Лагунова.

– Лера не моя девушка. Ма, оставь ты этот хрестоматийный фантом под названием «счастливый брак». Ничего у нас не будет. Для брака нужна любовь.

Он приобнял мать и поцеловал ее в висок. Ольга Эдуардовна неодобрительно посмотрела на сына и плотнее запахнула пальто. Март в этом году теплом не баловал. Да и устала она изрядно от организации этого званого обеда. Только лучше один раз физически устать, чем каждый раз морально. Все получилось как нельзя лучше. Господи, как хорошо, что она встретила Леру в Пассаже. У них все еще наладится. Она заметила, как Лера смотрела на ее сына. «Слишком откровенно и вызывающе. Стерва. Но лучше такая, чем какая-нибудь тихоня. Когда это кончится? Или дети даются только в наказание?»

– Роман, ты очень изменился. Наверное, есть кому на тебя влиять...

Веселое настроение сына начинало ее раздражать.

– Мать, не сердись.

– На кого? – оторопела Ольга Эдуардовна.

– На меня. На себя. Вообще не сердись. Тебе это не идет.

– Ну, знаешь, – Ольга Эдуардовна не нашлась, что ответить сыну.

Звонок Савицкого раздался в тот момент, когда Саша оплачивала обратный билет до Москвы. От неожиданности она вздрогнула и начала рыться в сумке, боясь пропустить входящий звонок. В окошке кассы застряли билет и сдача. Женщина, стоящая за ней в очереди, недовольно засопела.

– Добрый день, Саша, это...

Она уловила, как на другом конце невидимого провода повисла неловкая пауза. Мужчина искал слова, чтобы представиться.

– Я догадалась, кто вы.

Мужчина зачем-то извинился, и было понятно, что он попросту не знает, что говорить дальше.

– Я остановилась в гостинице «Богданов Яр», в районе железнодорожного вокзала, – пришла на помощь Саша.

– Найду. Я заеду через час-полтора. Я сейчас на другом конце города, – объяснил Иван Андреевич и, не прощаясь, отключил телефон.

После звонка Савицкого Саша вдруг разволновалась так, что пальцы стали непослушными. Она никак не могла отделить билет от купюр и сгребла все вместе, зацепив сжатым кулаком о край пластикового окошка. Кассир неодобрительно посмотрела на Сашу.

– Аккуратней надо, – не удержалась от замечания стоявшая позади женщина.

Саша направилась обратно к гостинице, на ходу отметив свою сообразительность – найти отель недалеко от вокзала. Но стоило только выйти на улицу, как холод моментально забрался под тонкую, не по погоде куртку. Надо было послушать Стрельникова и взять в дорогу теплые вещи, но для этого понадобилась бы другая сумка – большая и неудобная. Да разве она могла предположить, что ее тур выходного дня захватит еще понедельник. И все от того, что она многого не предвидела. Не получив ответа на телефонный звонок, пришлось самой ехать на квартиру отца. Она была готова услышать любой ответ, кроме того, что Савицкий давно там не живет. А где именно живет теперь, добродушная соседка не знала, хорошо, что хотя бы вспомнила, что он владеет какой-то компанией, которая занимается очищением то ли воды, то ли воздуха. После такого ответа впору было ехать обратно. Помощь пришла от Стрельникова, а вернее, от его системного администратора, который и нашел ей адрес главного офиса холдинга «Инвест-Север».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.